

Государство и общество

Перемены в жизни женщин республиканского Шанхая

© 2014

Ю. Куприянова

Статья посвящена описанию новой жизни представительниц среднего класса шанхайских женщин в результате изменений в их общественном положении в период Китайской Республики. Он характеризовался борьбой женщин за обретение равных прав с мужчинами, повышением их социального статуса, включением в производственную деятельность и сферу услуг. Вследствие изменения стиля жизни и социальных условий горожанок по сравнению с предыдущим временем жительницы Шанхая получили новые возможности для саморазвития и профессиональной реализации, но одновременно столкнулись с большими сложностями экономического и психологического характера.

Ключевые слова: Китайская Республика, Шанхай, положение женщины, женский труд, современное общество.

Рубеж XIX—XX вв. был ознаменован для Китая значительными переменами в различных сферах политической, экономической и культурной жизни. Происходившие сдвиги сильнее всего ощутили на себе городские жители. После Синьхайской революции китайские интеллектуалы на страницах печатных изданий стали активно излагать свое видение будущего Родины. Некоторые из них связывали залог успешного развития с заимствованием достижений западной культуры и науки¹, с изгнанием иностранцев из страны, другие выступали за самобытный путь развития с пересмотром традиционных положений конфуцианской доктрины². С этими событиями в китайской истории традиционно связывают и становление женского движения, которое заявило о себе особенно громко после окончания Первой мировой войны³. Борьба за освобождение женщины (*фунью цзефан*) стала одной из злободневных тем в публицистических и художественных произведениях китайских авторов 1910–1930-х гг. Однако некоторые исследователи подчеркивают, что рассматривая начальный этап движения, стоит говорить не о реальной борьбе самих женщин за свои права, а о включении их интересов в качестве составной части в общую программу действий по усилению Республики⁴.

Процесс обретения китайскими женщинами новых социальных и экономических прав в первые десятилетия после Синьхайской революции шел неравномерно. В городах прогресс был более заметным, что во многом было связано с включением женщин

в сферу производства, получением части из них доступа к образованию, а также более высоким культурным уровнем горожан. Безусловным лидером по темпам развития торговли, промышленности, образовательной и культурной сфер, а следовательно, по качеству изменений в жизни китайянок, был крупнейший торгово-промышленный центр страны — Шанхай. Во многом это было обусловлено его географическим положением и статусом открытого торгового порта. Однако гораздо более важной определяющей особенностью стало массовое присутствие иностранных резидентов на данной территории, начиная с середины XIX в. вплоть до 40-х гг. XX в.

В рамках более чем 80-летнего сосуществования коренных жителей города и трудовых мигрантов из различных регионов страны с представителями Запада (насчитывавшими в определенные годы до 45–50 тыс. человек⁵) шел постепенный процесс вестернизации местной среды. За национальное разнообразие жителей Шанхая его нередко называли «городом беженцев». Влияние иностранной культуры сказалось на всей истории республиканского Шанхая, определив направление развития всех элементов городской жизни. Многие перемены в жизни местных женщин в рассматриваемый период произошли именно благодаря уникальности местной среды, а не стали лишь закономерным итогом развития общенационального женского движения в Китае.

Образ «новой женщины» (*синь ньюсин*), активно обсуждавшийся на страницах прессы еще с середины 1910-х гг., формировался в сознании горожан под влиянием различных СМИ и стал важным фактором в изменении отношения социума к традиционным конфуцианским положениям о роли женщины в обществе и семье. Воздействие на постепенную модификацию данного образа во многом оказала массовая потребительская культура крупного мегаполиса. Женщины, представавшие на обложках журналов, в статьях периодических изданий, на рекламных плакатах, транслировали идею о том, что «новая женщина» должна быть «образованной, трудоустроенной, независимой и активно участвующей в публичной жизни»⁶. Менялось не только отношение мужчин к женским правам и свободам в обществе, менялись самовосприятие и самооценка китайянок.

Начиная с 1920-х гг., роль женщин в общественной жизни Шанхая непрерывно усиливалась, расширялись те сферы, в которых она могла проявить себя как личность, а не только как дочь, жена или мать. Как указывал в одной из своих работ китайский политический и общественный деятель Чэнь Дусю, самым главным вопросом в деле освобождения женщины являлось обретение ею экономической самостоятельности⁷. Социальная роль женщин в исследуемый период значительно расширилась, в основном за счет участия в трудовой деятельности и получения доступа к среднему и высшему образованию. Впервые в истории Китая женщина получила возможность заниматься собственным делом, обучаться, зарабатывать деньги наравне с мужчиной. Она стала равноправным членом общества, реализующим свой потенциал не только в стенах дома, но и вне его.

Перемены, происходившие в трехмиллионном Шанхае⁸, вели к тому, что многие прогрессивно настроенные горожанки стремились именно к социальной активности в ущерб семейной жизни. Показательным с этой точки зрения является замечание одной из самых известных женщин Китая середины XX в. Чжан Айлин, описывающее ее настрой в годы юности. «Касательно моего будущего у меня были грандиозные планы, после окончания школы я хотела поехать в Англию учиться в университете, одно время я хотела изучать мультипликацию, хотела познакомить Америку с традиционным художественным китайским стилем. Мне хотелось стать известнее Линь Юйтана⁹, носить самые изысканные наряды, обехать весь мир и иметь собственный дом в Шанхае, жить полной активной жизнью»¹⁰.

В результате социальных реформ женщины Китая в начале 1920-х гг. получили возможность не только получать образование, но и расти профессионально. Тем не менее, подавляющее большинство женщин Шанхая вынуждены были трудиться на заводах и фабриках, получая минимальную оплату за свой труд, которая была на 30–40 процен-

тов ниже, чем у мужчин¹¹. Жительницы Шанхая, как правило, шли работать на фабрики по производству тканей или табачных изделий. Они происходили из наиболее бедных слоев населения, и право на труд для них было не достижением, а насущной необходимостью, позволявшей выживать в новых условиях. Женщины из средних слоев населения, как правило, получали возможность заниматься более квалифицированным трудом, получая за него сравнительно высокую оплату. С течением времени данный процесс шел все быстрее. С началом «движения 4 мая»¹² женщины начали активнее проникать в те сферы производства, где изначально присутствовали одни лишь мужчины. Если в конце правления династии Цин в шанхайском обществе можно было наблюдать первых женщин преподавателей, медсестер, врачей, публицистов, то в начале 1920-х гг. горожанки уже становились сотрудницами таможни, почты, телеграфа, полиции. Стали появляться первые женщины-преподаватели в высших образовательных учреждениях. В резолюции о женском движении, принятой на 2-м съезде всекитайских представителей Гоминьдана в 1926 г., содержалось прошение о предоставлении женщинам права работать во всех учреждениях страны¹³.

Наряду с вполне естественными в развитом обществе женскими профессиями медсестры, преподавателя, машинистки или продавца возник спрос и на совершенно новые для Китая профессии — фотомоделей, манекенщиц, киноактрис. Появление этих профессий во многом было связано с популяризацией западного стиля жизни и массовой культуры. Некоторые женщины осмеливались заняться собственным бизнесом. Массовое появление женщин на общественной сцене стало возможным. Никогда ранее деятельность женщины вне рамок своего дома и семьи не могла считаться нормой, если только это не была девушка из дома терпимости или буддийская монахиня¹⁴. О быстром включении шанхайских женщин в сферу бизнеса писали даже иностранные резиденты. На страницах книги «Все о Шанхае» приводилось замечание о том, что традиционное отношение к женщинам в обществе стремительно меняется: «Сегодня многие китайки активно включились в работу. Например, в Шанхае есть «Женский банк», который полностью женщинам принадлежит и управляется ими. Тысячи китайских девушек в наши дни самостоятельно зарабатывают себе на жизнь... убедительно доказывают, что еще одна старая традиция Китая полностью преодолена»¹⁵.

Писательница Аделин Ма вспоминала про основанный в 1924 г. ее бабушкой Шанхайский женский банк как настоящий прорыв для китайского общества. Большая часть сотрудников банка были женщинами. Банк был основан специально для обслуживания женской клиентуры. Незамужние женщины приносили в банк свои сбережения или состояния, доставшиеся в наследство. Жены состоятельных господ отдавали на хранение свое приданное или деньги, выигранные в маджонг¹⁶. Женщины победнее вкладывали небольшие суммы, полученные от своих мужей или поклонников. Среди клиенток банка были также простые работницы заводов и женщины из рядов интеллигенции, которых раздражало снисхождение, с которым к ним относились сотрудники мужчины в других банках¹⁷. Однако блистательная карьера женщины, подобная описанной Аделин в мемуарах, была исключением для Шанхая тех лет, особенно если это касалось ведения собственного бизнеса. Даже женщины, имевшие западное образование, далеко не всегда могли применить имевшиеся знания и получать при этом оплату, сопоставимую с доходами мужчин.

Лишь отдельные жительницы города имели возможность сделать карьеру, стать знаменитыми и богатыми. Сфера искусства и индустрия шоу-бизнеса, активно развивавшаяся в Шанхае с конца 1920-х гг., дали им дорогу в жизнь, навсегда вписав их имена в историю страны. При этом часть из них происходила из обычных семей со средним или даже низким уровнем достатка. В 1930-е гг. в Шанхае был создан интеллектуальный клуб под названием «Чайные беседы об искусстве и литературе» (*Вэньи чахуа хуэй*), который собирался регулярно по субботам и издавал собственный сборник¹⁸. По воспомин-

нениям участников еженедельных чайных застолий, образованные девушки принимали активное участие в беседах и издательской деятельности¹⁹. Другие женщины обучались актерскому мастерству, вокалу, каллиграфии и живописи. В их числе были участницы созданного в 1934 г. в Шанхае «Китайского женского общества живописи и каллиграфии». Это общество явилось самым первым женским творческим объединением в современной истории Китая. В него входило более 150 участниц — выдающихся художниц и каллиграфов со всех уголков страны.

Женщины Шанхая активно проявили себя и на театральном поприще. Появление первых женщин-актрис в классических и современных китайских постановках стало настоящим переворотом в сфере китайского жанрового искусства. Безусловно, большая заслуга в этом принадлежала западным театральным традициям и кинематографу. В одном из шанхайских путеводителей отмечались значительная популярность нового китайского театра у зрителей: «Современные пьесы и театральные постановки в западном стиле с актрисами-женщинами (вещь совершенно немислимая еще несколько лет назад) регулярно демонстрируются на сценах театров Шанхая и других открытых портов и при этом пользуются большой популярностью»²⁰. Более того, в исследуемый период в Шанхае появляются первые гастролирующие труппы, в составе которых отсутствовали актеры-мужчины. Поначалу, в 1920-е гг., спектакли с участием исключительно женщин не сумели завоевать любовь зрителя. Однако в 1938 г. в Шанхае стала популярной группа из пяти девушек, которые выступали в традиционном жанре китайского театра, исполняя шаосинскую оперу. Девушки решили назвать по-новому шаосинский жанр, в котором традиционно выступали лишь мужчины. В результате исключительно женская опера, ставшая популярной в Шанхае в 1930-е гг. и сохраняющая известность до наших дней, получила название «юэ-цзюй». К началу 1940-х гг. представления женских коллективов с оперой «юэ-цзюй» проходили в 40 театрах города, а количество поклонников этого жанра превысило число любителей традиционной пекинской оперы²¹.

Другой развлекательной индустрией, в наибольшей степени испытывавшей воздействие западной, в основном американской культуры, был кинематограф. Шанхай с его вестернизированным стилем и сосредоточием интеллектуальной элиты стремительно превратился в центр Китая по производству и прокату фильмов. Многие исследователи оценивают период с начала 1930-х гг. до широкомасштабного развертывания военных действий в 1937 г. как золотую эру шанхайского кино²². Основная часть первых китайских фильмов была снята двумя шанхайскими кинокомпаниями «Минсин» и «Ляньхуа». Лица актрис, снимавшихся в них, были узнаваемы и любимы не только среди шанхайцев, но и повсюду в Китае. Во многом благодаря шанхайскому кино жители страны смогли познакомиться с образом «новой женщины». Китайские кинозвезды воплощали на экране образы современных женщин: смелых, красивых, самостоятельных, но порой несчастных и страдающих от тех конфликтов, которые вошли в их жизнь вслед за произошедшими переменами. Внешность и стиль поведения актрис и певиц Шанхая стали популярными темами женских журналов, почти каждую обложку которых украшали их фотографии. В условиях того времени кинофильмы и журналы были самыми влиятельными средствами пропаганды, поэтому неудивительно, что в глазах шанхайских девушек именно киноактрисы стали олицетворять «новую женщину» страны.

Помимо индустрии кино, на культурную атмосферу города существенно влияли многочисленные кабаре, дансинг²³, танцевальные вечеринки. Сама культура танца была абсолютно чуждой в традиционном китайском обществе. Любовь к танцам, присущая большинству слоев шанхайского общества в 1930–1940-е гг., зародилась в городе под воздействием западной культуры. Китайцам парные танцы в то время были совершенно незнакомы. Подобная форма досуга была им чужда и как форма установления социальных контактов, и с точки зрения эстетики. Поэтому достаточно долгий период сам термин парные, или бальные танцы даже не имел адекватного перевода на китайский язык,

не говоря уже об отсутствии желания китайцев приобщиться к данному виду искусства. В начале XX в. китайцы называли западные танцы *тяоси*, что можно перевести как «танцевальные представления». Лишь позднее, к 1930-м гг., в китайском языке появляется определение западных танцев как *цзяоцзи ву* («социальный танец») ²⁴. Начиная с 1920-х гг., когда западная культура стала все активнее проникать в городскую среду, западные танцы начали привлекать внимание китайской публики, став к 1930-м гг. XX в. весьма распространенной формой досуга шанхайцев ²⁵. Карнс и Паттерсон в своей книге о калейдоскопе шанхайской жизни посвятили увлечению танцами в городе целый раздел: «Китайцы любят танцевать. И делают это они хорошо. Как у мужчин, так и у женщин поразительным образом развито чувство ритма, что превращает их в отличных танцоров. Странно наблюдать подобное у людей, чья национальная музыка больше походит на хор орущих кошек. Бизнес в *дансингах*, отличных от кафе или ночных клубов, процветает» ²⁶.

Танцы стали популярными, в первую очередь, среди состоятельных горожан. Первое время в городе существовали кабаре и дансинги, ориентированные на богатую публику. Поэтому лишь дочери и жены из обеспеченных семей могли иметь доступ к развлечениям подобного рода. Со временем в Шанхае стали появляться заведения более низкого уровня, что позволило девушкам из средних слоев приобщиться к западной культуре. Однако в силу некоторых сохранившихся предубеждений многие китайские мужчины приходили в эти заведения без партнерш. Помимо субъективного отношения отцов семейства и мужей к участию женщин в танцах существовали и объективные причины. Для женщин Китая введение запрета на бинтование ног сразу после Синьхайской революции стало важным событием в жизни. Но еще в течение долгих лет этот пережиток продолжал оказывать влияние на их судьбы. Объективно лишь к середине 1920-х гг. в Шанхае появилось поколение молодых девушек, физически способных танцевать ²⁷. Как правило, они являлись студентками китайских частных женских колледжей или учебных заведений при католической миссии в Шанхае ²⁸. В 1930-е гг. в стенах таких учебных заведений стали активно преподавать балльные танцы. Также в Шанхае было открыто большое количество частных школ, кружков, центров культурного досуга, где учили игре на западных музыкальных инструментах и преподавали парные танцы. Но не все девушки с разрешения семьи могли позволить себе пойти в один из клубов, где устраивались танцы, и выйти с партнером на паркет. Отношение к танцам в обществе было неоднозначным. Чжан Айлин в рассказе «О танцах» упоминает, что часть общества считала танцы неприличными, часть же людей выступала в их защиту, называя танцы искусством: «...если кто-то находит в нем сексуальную подоплеку, так это проблема собственных неправильных помыслов» ²⁹.

С увеличением популярности дансингов, где проводились послеобеденные и вечерние танцы, многие китайские мужчины начали испытывать недостаток партнерш. Подобная ситуация привела к тому, что в среде горожан стали появляться профессиональные танцовщицы, которые работали в шанхайских клубах по найму. Так состоятельные китайцы, оценившие полезность данного вида увеселительных заведений для установления контактов, проведения переговоров и активного отдыха, получили возможность приходить в клубы без своих жен или подруг. По проведенной в конце 1930-х гг. переписи в десятке самых крупных танцзалов Шанхая официально было зарегистрировано около 1 тыс. танцовщиц. При этом невозможно определить, какое количество девушек работало в заведениях более низкого уровня. Часть танцовщиц, с учетом подарков от клиентов, зарабатывали невероятные для шанхайских женщин деньги ³⁰. Другим источником дохода девушек был процент от прибыли заведения, которая обеспечивалась за счет продажи чая и алкогольных напитков клиентам. Процент, получаемый танцовщицами, разнился от заведения к заведению, но в крупных клубах, как правило, составлял десятую часть ³¹. Таким образом, материальное положение танцовщиц зачастую зависело не от их хореографического мастерства, а от умения удержать клиента

как можно дольше за столиком. По данным, которые приводит в своей книге Си По, ежемесячный доход танцовщиц в клубе «Парамаунт» в десять раз превышал уровень заработка среднего сотрудника этого же заведения³².

Внешняя привлекательность и умение вести себя с посетителями кабаре напрямую влияли на уровень заработка девушек. Поскольку клиентами заведений были как китайцы, так и иностранцы, танцовщицам приходилось тщательно следовать последним тенденциям городской моды. По уровню образования и социальному положению они едва ли могли сравниться с шанхайскими актрисами или другими представителями творческих кругов, однако их безусловным достоинством было умение самостоятельно зарабатывать на жизнь. Девушки из дансингов не были в полном смысле слова воплощением «новой женщины» Китая. Их труд часто был сопряжен с унижениями. Размер заработка зависел не от талантов и собственных умений, а от щедрости посетителей. Таким образом, танцевальная индустрия Шанхая, с одной стороны, давала части женщин возможность приобщиться к социальному общению и массовому культурному досугу, а с другой, содержала в себе элементы унижения и эксплуатации. Девушки, работавшие в подобных заведениях, были своего рода «красивыми вещами», доставлявшими радость окружающим их мужчинам. Присутствие танцовщиц, за деньги развлекавших гостей, продажа алкоголя, работа заведений допоздна и другие особенности данного бизнеса делали танцевальные, джазовые клубы и чайные схожими с шанхайскими борделями. Противоречивость новой массовой культуры нашла свое отражение в фильме «Новогодняя монета». Одной из финальных сцен картины является признание танцовщицы, выступавшей в престижном месте и, очевидно, относящейся к среднему классу горожан. Устав «продавать собственную плоть» со сцены, она хочет оставить доходную работу и устраивается простой учительницей пения и танцев в китайскую начальную школу, мотивируя это тем, что новая работа более достойная³³.

Другой известный фильм 1930-х гг. под названием «Богиня»³⁴ рассказывает об другой популярной профессии шанхайских девушек. Эта картина принесла всекитайскую славу актрисе Жуань Линьюй, которая оставила самый яркий след в истории раннего кинематографа Китая. В этом фильме Линьюй сыграла женщину, которая вынуждена заниматься проституцией, чтобы прокормить маленького сына. В приступе ярости героиня фильма убивает мужчину, отнявшего у нее последние деньги, потратившего их на алкоголь и азартные игры, и попадает в тюрьму. Режиссеру фильма удалось создать весьма нестандартный образ продажной женщины, благодаря чему главная героиня полюбилась тысячам китайских женщин. Она продает себя, занимаясь постыдной работой, но образ ее полон внутреннего достоинства, а стремление дать сыну образование и обеспечить хорошее будущее заслуживает восхищения. Фильм нес вполне понятное послание: современное общество дало женщине свободу. Перед ней открыт огромный мир возможностей. Но несовершенная система и слишком резкие изменения вынудили миллионы женщин заниматься унизительным ремеслом, чтобы прокормить себя и своих близких.

Наличие большого числа домов терпимости было одной из характерных черт, присущих Шанхаю. Во многом благодаря процветанию сферы сексуальных услуг этот порт получил наименование «всемирной столицы греха»³⁵: «В 1920 г. по официальной статистике в Шанхае насчитывалось 1200 куртизанок, 4900 яо-эр*, (*яо-эр — проститутки, жившие в веселых кварталах) 37141 — уличных и 21315 других проституток»³⁶. Иностранцы отмечали невиданное разнообразие сексуальных услуг, предоставляемых внутри селтльментов. Западная исследовательница Гейл Хершаттер указывала, что в Шанхае насчитывалось порядка 100 тыс. женщин, занимавшихся проституцией. По ее мнению, «проститутки в 1930-х гг., возможно, составляли единственную столь многочисленную группу женщин, живших и работавших в городе. Не будучи столь же заметными и однородными в своем большинстве, как работницы хлопкопрядильной промышленности, проститутки, между тем, играли не менее важную роль в развитии города»³⁷. В статье,

посвященной феномену сексуальных услуг в Китае, О.В. Почагина отмечала, что в начале XX в. «ряды проституток пополнялись девочками и молодыми женщинами, похищенными и проданными в бордели (девочки продавались собственными родителями, молодые женщины — родственниками мужа в случае его смерти, жены — мужьями в случае отсутствия средств к существованию), а также женщинами из сельских районов, приезжавшими в города в поисках работы и попадавшими под власть сутенеров и посредников»³⁸. По сути, подобная ситуация характеризовала данную индустрию и в предшествующие столетия. Однако, по сообщениям других исследователей³⁹, а также по воспоминаниям части иностранцев⁴⁰, можно сделать вывод о том, что процент женщин, добровольно избравших занятие проституцией, с начала 1920-х гг. имел тенденцию к росту, по крайней мере, в крупных городах. Новые социальные изменения поставили часть женщин в условия, когда они должны были самостоятельно содержать себя и свою семью. Поэтому многие девушки Шанхая, не желавшие заниматься тяжелым физическим трудом на заводе и не способные найти иную работу, добровольно избирали данное поприще. Примечательно, что часть жриц любви имела возможность для «карьерного роста». В статье «Иерархия проституции в Шанхае между 1870–1949 гг.» описаны случаи, когда наиболее успешные жрицы любви открывали собственные заведения⁴¹.

Некоторые исследователи отмечают, что активизация общественной мысли в результате движений «За новую культуры» и «4 мая» способствовала изменению отношения части горожан к данной традиционной форме проведения досуга⁴²: «...интеллектуалы «движения 4 мая» считали проституцию символом национальной отсталости и социальной проблемой, требующей решения». Говорилось также о предпринятых в 1920-е гг. попытках шанхайского муниципалитета пресечь активность этого бизнеса в границах Международного сеттльмента⁴³. Однако по восторженности тона, с которым гости Шанхая 1930–1940-х гг. описывали его, можно сделать вывод, что эти попытки потерпели поражение⁴⁴. Во многом это произошло потому, что сама городская атмосфера и особенности ведения бизнеса благоволит развитию проституции. Наличие большого числа иностранных резидентов и путешественников, состоятельных китайских бизнесменов, а также многочисленных моряков способствовало поддержанию постоянного спроса на подобные услуги. Таким образом, можно сделать вывод о том, что быстрые социальные перемены в шанхайском обществе и значительное западное влияние оказали воздействие и на функционирование сферы сексуальных услуг.

Рассматривая социальное положение женщины в китайском обществе начала XX в., можно констатировать, что в вопросах ее участия в трудовой деятельности был достигнут значительный прогресс. Однако полученные права и свободы поставили женщин в нелегкое положение. Заявленные требования о равноправии во многом были выполнены лишь формально, общество менялось не столь стремительно, и многие нововведения давали сбой. В среде китайского населения продолжали существовать пережитки прошлого. При этом женщинам пришлось столкнуться с теми проблемами, от которых они традиционно были ограждены, и соответственно не были способны правильно с ними справиться. Таким образом, для шанхайского общества 30-х — начала 40-х гг. XX в. во многом справедливы те оценки, которые Н.Л. Пушкарева дала более позднему периоду женского движения на Западе: «Женщины начала 1960-х практически повсеместно добились избирательных прав, могли получать образование и работать — но эти права во многом только усложнили положение женщин: женщины окончательно вышли за пределы своего дома, вступили в мир мужской культуры и мужской деятельности и были вынуждены принять условия мужской игры, конкуренции»⁴⁵.

1. *Чэнь Дусю*. Кунцзы чжи дао юй сяньдай шэнхо [Путь Конфуция и современная жизнь]. Цит. по: *Чжэнь Юнфу, Лу Мэйи*. Чжунго фунюй тунши, миньго цзюань [История женщин Китая, период Республики]. Ханчжоу, 2010. С. 47.
2. *Чжэнь Юнфу, Лу Мэйи*. Цит. соч. С. 21.
3. *Степанова Е.Н.* Основные этапы эволюции гендерной политики Гоминьдана // Восток. 2012. № 3. С. 115–125. С. 117.
4. См., например: *Хань Юйфэн*. Исследование живописи женского движения Китая // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 82–1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-zhivopisi-zhenskogo-dvizheniya-kitaya>; Степанова Е.Н. Указ. соч. С. 115–125.
5. All about Shanghai and environs. A standard guidebook. Shanghai, 1934. [Sinomedia]. URL: <http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/t-all.htm>; The megapolis of continental Asia // Fortune magazine. 1935. Vol. XI. № 1. URL: <http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/fortune/t-fortune.htm>.
6. *Hershatter G.* Women in China's long twentieth century. Berkeley, 2007. P. 86.
7. Ibid. С. 47.
8. Если сравнить данные, которые приводят в своих заметках иностранные жители и путешественники, то можно увидеть, что в промежутке между 1930–1940-ми гг. население Шанхая увеличилось примерно на 50%, с 3 до 4,5 млн человек. См., например: *Gunther J.* Inside Asia. Shanghai, 1939; *Karns M., Patterson P.* Op. cit.; Flying Tiger: guide to Shanghai. New York, 1945. Российская исследовательница Таскина Е.Н. в одной из своих статей приводит данные о наливии в Шанхае в середине 30-х гг. 7 млн жителей (*Таскина Е.П.* Русские в Китае: Китайские годы Олега Лундстрема // Пробл. Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 147).
9. Линь Юйтан (1895–1976) — китайский писатель, философ, ученый.
10. *Чжан Айлин*. Сыюй [Сокровенное]. 1944. URL: <http://www.book.kanunu.org/book3/7108/index.html>.
11. *Чжан Чжунминь*. Цзиньдай Шанхай гуицзэн цзецэн дэ гуицзы юй шэнхо — и 20 шицзи 30 няньдай дяоча вэй чжунсинь дэ фэнъи [Анализ жизни и уровня оплаты рабочего класса Шанхая на материале исследований 30-х гг. XX в.]. URL: <http://economy.guoxue.com/?p=2741>.
12. Движение в Китае в мае-июне 1919 г., начавшееся с активного выступления молодежи по всей стране. Развернулось в ответ на решение Парижской мирной конференции не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германские концессии в провинции Шаньдун. Подробнее о движении см.: *Картунова А.И.* К 90-й годовщине "движения 4 мая" // Пробл. Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 163–167.
13. *Чжэнь Юнфу, Лу Мэйи*. Указ. соч. С. 6.
14. *Hershatter G.* The Hierarchy of Shanghai Prostitution, 1870–1949 // Modern China. 1989. Vol. 15, No. 4. P. 473.
15. All about Shanghai...
16. Маджонг (также мацзян, или мадзян) — китайская азартная игра в фишки с использованием игровых костей, для четырех игроков.
17. *Янь Цзюньлин*. Указ. соч. С. 9.
18. *Hockx M.* Gentility in a Shanghai literary salon of the 1930s: The quest for gentility in China / Ed. by Daria Berg. Abington, 2007. P. 60.
19. Ibid. P. 67.
20. All about Shanghai...
21. *Дай Юньюнь*. Шанхай сяоцзе [Шанхайская девушка]. Шанхай, 1999. С. 108.
22. *Conner A.W.* Don't Change Your Husband: Divorce in Early Chinese Movies // Law review. 2005. Vol. 40, № 5. P. 2.
23. Дансинг (кит. *утин*) — определенный тип развлекательных заведений, совмещавший в себе ресторан и танцевальный зал. Шанхайские дансинги отчасти были схожи с кабаре, однако важным их отличием было то, что популярностью в них пользовались западные парные танцы, а не представления на сцене. Слово «дансинг» встречается в мемуарах и автобиографических произведениях русских мигрантов, проживавших в 1930-е гг. в Шанхае.
24. Сунь Мэнъин. Лаошанхай дэ янжэнь [Иностранцы старого Шанхая]. Шанхай, 2010. С. 12.
25. Там же. С. 32.
26. *Karns M., Patterson P.* Op. cit.
27. *Дай Юньюнь*. Указ. соч. С. 91.

28. Чжэн Юнфу, Лу Мэйи. Указ. соч. С. 537.
29. Чжан Айлин. Тань таяо [О танцах] // Тяньди. 1944. № 14. С. 1.
30. Karns M., Patterson P. Op. cit.
31. Дай Юньюнь. Цит. соч. С. 92.
32. Шанхай чжэньдан [Редкие хроники Шанхая] / Под ред. Си По. Шанхай, 2007. С. 13.
33. Ясуй цянь [Новогодняя монета]. Реж. Чжан Шичуань. Шанхай, 1937.
34. Нюйшэнь [Богиня]. Реж. У Юнган. Шанхай, 1934.
35. Почагина О.В. Сексуальные услуги как социальный феномен в современном Китае // Пробл. Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 77.
36. Там же. С. 78.
37. Hershatter G. The Hierarchy... P. 463.
38. Почагина О.В. Цит. Соч. С. 78.
39. См. например: Hershatter G. The Hierarchy... P. 463.
40. Karns M., Patterson P. Op. cit.
41. Hershatter G. The Hierarchy... P. 483.
42. Почагина О.В. Указ.соч. С. 78.
43. Flying Tiger...
44. См. например: All about Shanghai...; Gordon A.H. The streets of Shanghai. Shanghai, 1941; Baum V. Sity-by-the-Sea. Shanghai, 1937. URL: <http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/pott/index.html>.
45. Пушкарева Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. СПб., 2001. Т. 1. С. 278.